

«Если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна»

Лекция митрополита Волоколамского Илариона в Российской академии народного хозяйства и государственной службы 20 мая 2022 года. Воскресение Иисуса Христа – то центральное событие евангельской истории, к которому вело все предшествующее повествование в каждом из четырех Евангелий. Самый большой парадокс, связанный с этим событием, заключается в том, что его никто не видел. Все Евангелисты утверждают, что Иисус воскрес, но ни один не рассказывает, как это произошло. В тот момент, когда рано поутру в первый день недели женщины приходят к погребальной пещере, где было положено тело Иисуса, они обнаруживают, что тела там нет. Но каким образом оно исчезло, Евангелисты не говорят, потому что прямых свидетелей у этого события не было. Другой парадокс связан с тем, как в Евангелиях изложен материал, посвященный явлениям воскресшего Иисуса. На первый взгляд кажется, что между Евангелистами

слишком много расхождений, чтобы их показания можно

было сшить в единую повествовательную ткань. На поверку, однако, сходства оказывается гораздо больше, чем различий. Наибольшие отличия наблюдаются, как всегда, между, с одной стороны, версиями синоптиков, с другой – версией Иоанна. И тем

не менее, согласование разных свидетельств не представляет собой невыполнимую задачу.

Давайте рассмотрим эти свидетельства. Пустой гроб Согласно всем четырем Евангелиям, первыми исчезновение тела Иисуса из гробницы обнаружили женщины.

Иоанн упоминает только одну: «В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба» (Ин. 20:1). Матфей говорит о двух женщинах у гроба:

По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень

от двери гроба и сидел на нем; вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег; устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали, как мертвые; Ангел же, обратив речь к женщинам, сказал: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса

распятого; Его нет здесь – Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь, и пойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилее; там Его увидите. Вот, я сказал вам. И,

выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великою побежали возвестить ученикам Его (Мф. 28:1–8). У Марка свидетелями отсутствия тела Иисуса в гробнице становятся три женщины: По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и

Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его. И весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца, и говорят между собою: кто отвалит нам камень от двери гроба? И, взглянув, видят, что камень отвален; а он

был весьма велик. И, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду; и ужаснулись. Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищете Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где

Он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предвещает вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам. И, выйдя, побежали от гроба; их обхлестывал трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись

(Мр.16:1–8). Наконец, в рассказе Луки фигурируют три женщины, названные по имени, и другие, не названные: В первый же день недели, очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они ко гробу, и вместе с ними некоторые другие; но нашли камень

отваленным от гроба. И, войдя, не нашли тела Господа Иисуса. Когда же недоумевали они о сем, вдруг предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих. И когда они были в страхе и наклонили лица свои к земле, сказали

им: что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий

день воскреснуть. И вспомнили они слова Его; и, возвратившись от гроба, возвестили все это одиннадцати и всем прочим. То были Магдалина Мария, и Иоанна, и Мария, мать Иакова, и другие с ними, которые сказали о сем Апостолам

(Лк.24:1–10). Итак, первое и наиболее очевидное различие между четырьмя свидетельствами о пустом гробе заключается в том, что в каждом из четырех евангельских повествований фигурирует разное число женщин: только Мария

Магдалина упоминается всеми четырьмя Евангелистами, Матфей добавляет к ней «другую Марию», Марк – Марию Иаковлеву и Саломию, а Лука – Марию, мать Иакова, Иоанну и других («другая Мария», скорее всего, идентична Марии Иаковлевой, хотя

встречались, как мы увидим ниже, и иные толкования). Время описываемого события у всех четырех Евангелистов одно и то же: утро дня, следующего за субботой. Во всех четырех Евангелиях говорится, что к моменту прихода

женщин камень был отвален от гроба. Но только у Матфея повествуется о том, как это произошло: ангел, сошедший с небес, «приступив, отвалил камень от двери гроба»; свидетелями этого стали стражи, которые испугались и

«стали, как мертвые». Этот эпизод у Матфея вкрапляется в повествование о женщинах, пришедших ко гробу, однако текст позволяет предположить, что он произошел еще до их прихода и что к

моменту их появления у гробницы стражи там уже не было.

Такое понимание косвенно подтверждается последующим упоминанием о страже у Матфея (Мф. 28:11). Об ангеле (ангелах) в каждом из синоптических Евангелий упоминается по-разному. Только у Матфея употреблено слово «ангел», и ангел

изображен сидящим на камне. У Марка говорится о юноше в белой одежде. У Луки – одних мужей в одеждах блистающих. Речь ангела (ангелов) близка по содержанию у трех синоптиков, но приведена в трех различных редакциях.

Завершение всего эпизода тоже имеет отличия в трех синоптических Евангелиях. У Матфея женщины со страхом и радостью побежали от гроба, чтобы возвестить ученикам о том, что видели. У Марка они, выйдя, побежали от гроба, их объят трепет и ужас, но они

«никому ничего не сказали, потому что боялись». У Луки женщины, вернувшись от гроба, «возвестили все это одиннадцати и всем прочим». У Иоанна Мария Магдалина бежит к двум ученикам и говорит: «унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его»

(Ин. 20:2). Таким образом, если у Матфея говорится только о намерении женщины исполнить повеление ангела и возвестить ученикам то, что они увидели, то у остальных Евангелистов налицо расхождение: у Марка они не исполняют повеление

ангела, у Луки исполняют, а у Иоанна Мария Магдалина лишь свидетельствует о том, что видела пустой гроб. Перед нами типичный и яркий пример четырех свидетельских показаний об одном и том же событии. Они разнятся в деталях, но сходятся по

существу. Наличие разногласий между Евангелистами в деталях при сходстве по существу говорит не против, а, наоборот, в пользу реальности описываемых событий. Если бы речь шла о мистификации, авторы, несомненно, позаботились бы о

том, чтобы сверить информацию. Расхождения свидетельствуют о том, что никакого сговора между Евангелистами не было. Кроме того, Евангелия – это, прежде всего, свидетельские показания. Чем отличается свидетель от обычного историка? Свидетель говорит о

том, что видел, и его рассказ всегда окрашен личным отношением к происшедшему. Свидетели никогда не являются в полной мере сторонними наблюдателями: они воспринимают себя участниками события, даже если не

участвовали в нем напрямую; вспоминая событие, человек переживает и вольно или невольно интерпретирует его. В случае с рассматриваемым эпизодом мы имеем дело не с свидетельствами четырех очевидцев, а с четырьмя рассказами, основанными на

свидетельствах очевидцев. Мы не знаем, сколько было исходных свидетельств – от одного (Марии Магдалины) до четырех (Марии Магдалины, Марии Иаковлевы, Иоанны, Саломии) и даже больше (если считать Марию Иаковлеву и

«другую Марию» за два разных лица и если добавить потенциальное свидетельство упомянутых у Луки «других с ними»). И мы не знаем, каким образом эти исходные свидетельства трансформировались в устах тех, чьи рассказы легли в основу евангельских

повествований. Именно указанными факторами – вероятным наличием нескольких исходных свидетельств, вероятным наличием одного или нескольких передаточных звеньев между исходными свидетелями и авторами Евангелий – и объясняются

указанные выше разногласия. При этом общий контур истории остается одинаковым во всех четырех Евангелиях. Первыми свидетелями пустого гроба оказываются женщины, и Евангелисты не скрывают этого, несмотря на то, что женщины в иудейской традиции

считались ненадежными свидетелями. У Марка особо отмечается, что женщинам не поверили – впрочем, не потому, что следовали в этом иудейским представлениям, а потому, что сама принесенная ими весть казалась ученикам-мужчинам невероятной,

несмотря на то, что они много раз слышали от Учителя предсказания о Его воскресении. Кто понимается под «другой Марией» в Евангелии от Матфея? Она упоминается в этом Евангелии дважды: в рассказе о погребении (Мф.

27:61) и в рассказе о воскресении (Мф. 28:1). Обычно под «другой Марией» понимают Марию, мать Иакова и Иосии, о которой в параллельных местах говорит Марк (Мр. 15:40 и 16:1). Однако существует и иное (достаточно позднее) толкование,

согласно которому другая Мария – это Богородица. Такое толкование мы встречаем, в частности, у Григория Паламы (XIV век): «Итак, все женщины пришли после землетрясения и бегства стражи и нашли гроб отверстым, и камень отваленным, но когда предстала Мать»

Дева, тогда было землетрясение и отваливался камень, и гроб отверзался, истерегущие присутствовали, хотя и были потрясены ужасом, так что после землетрясения, придя в себя,

немедленно устремились в бегство. Богородица же,

не испытывая страха, обрадовалась, видя происходящее. Я думаю, что ради Неепервой Живоносец открыл оный гроб... И ради Нее Он послал ангела, дабы онвооссиял как молния, так чтобы пока еще было темно, благодаря обильному свету

ангела, Она увидела не только пустой гроб, но и плащаницы положенные в порядкеи многообразно свидетельствующие о воскресении Погребенного»¹. Данное толкование, получившее распространение на православном Востоке во II тысячелетии, является попыткой объяснить факт

отсутствия в евангельских повествованиях о воскресении Христа какого-либо упоминания о Деве Марии. Петр и Иоанн у гроба Согласно Евангелию от Луки, после того, как женщины вернулись от гроба и возвестили то, что видели,

«одиннадцати и всем прочим», «показались им слова их пустыми, и не поверили им. Но Петр, встав, побежал ко гробу и, наклонившись, увидел только пелены лежащие, и пошел назад, дивясь сам в себе происшедшему»

(Лк. 24:10–12). Эпизод, которому Лука посвящает одно предложение, более подробно изложен Иоанном. У него к Петру присоединяется «другой ученик»: В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба. Итак, бежит и

приходит к Симону Петру и к другому ученику, которого любил Иисус, и говорит им: унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его. Тотчас вышел Петр и другой ученик, и пошли ко гробу. Они побежали оба вместе; но другой ученик

бежал скорее Петра, и пришел ко гробу первый. И, наклонившись, увидел лежащие пелены; но не вошел во гроб. Вслед за ним приходит Симон Петр, и входит во гроб, и видит одни пелены лежащие, и плат, который был на главе Его, не с

пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте. Тогда вошел и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал. Ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых. Итак ученики опять

возвратились к себе (Ин. 20:1–10). Под «другим учеником» древнецерковная экзегетическая традиция понимает самого автора четвертого Евангелия; с этой атрибуцией согласно и большинство современных ученых. «Другой ученик» – тот, кто

свидетельствует из первых уст, а не с чьих-либо слов, и это придает его свидетельству особую значимость. Он «увидел» то, о чем говорит, а не просто узнал от кого-то. Нельзя не вспомнить здесь начало 1-го Послания Иоанна Богослова:

«О том, чтобы было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни... о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам...» (1 Ин. 1:1, 3). Иоанн подробно описывает свой путь к пустому гробу. Стартует

он вместе с Петром, но бежит быстрее и приходит первым. Затем он наклоняется к гробу, но не входит внутрь. Петр прибегает вторым, но в гроб заходит раньше Иоанна. В рассматриваемом эпизоде оба ученика – сначала Иоанн, затем

Петр – видят лежащие пелены, но только об одном говорится: «и увидел, и уверовал». Этими словами Иоанн подчеркивает значимость собственного духовного опыта: в отличие от Марии Магдалины, которую пустой гроб натолкнул на

мысль о том, что тело Господа куда-то унесли, для Иоанна вид пустого гроба и лежащих пелен стал неопровержимым доказательством того, что Христос воскрес. Тема соотношения видения и веры вновь возникнет в эпизоде с

Фомой, усомнившимся в воскресении Христа. Ему Иисус скажет: «Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин. 20:29). Почему Иоанн акцентирует внимание на пеленах и платке, отдельно лежащем и особым образом свитом? Прежде всего, потому, что именно

пелены и плат становятся для него доказательством воскресения Христа. Очевидна связь между рассматриваемым эпизодом и воскрешением Лазаря. Там умерший вышел из гроба, «обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано

было платком»; чтобы освободить его от пелен, потребовалась сторонняя помощь (Ин. 11:44). Здесь пелены и плат остаются лежать в гробнице как ставшие ненужными атрибуты погребального обряда: воскресший Иисус самостоятельно, без

чьей-либо помощи освободился от них. Помимо указанной причины, упоминание пелен и плата может иметь и другую: Иоанн мог счесть необходимым сказать о них потому, что и пелена, и плат бережно хранились в раннехристианской общине. Здесь вновь перед

нами возникают истории Нерукотворного образа и Туринской плащаницы. Хотя Евангелист ничего

не говорит об изображении лика Христа или Его тела на платях или пеленах, само упоминание об этих предметах могло быть достаточным сигналом

для читателя, знающего, как они выглядят. В таком случае слова «и увидел, и уверовал» обретают дополнительный обертон: Евангелист увидел не просто пелены и план, но увидел изображение умершего Иисуса на них, и именно это изображение

убедило его в том, что Иисус воскрес. Первое явление воскресшего Иисуса. Обратимся к свидетельствам о первом явлении воскресшего Иисуса. Самое краткое из них принадлежит Марку: Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва

Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов. Она пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим; но они, услышав, что Он жив и она видела Его, – не поверили (Мр. 16:9–11). В рассказе Матфея действующими лицами являются Мария

Магдалина и «другая Мария», которые приходили к гробу, обнаружили его пустым, услышали весть о воскресении от ангела, а теперь «со страхом и радостью великою» бегут, чтобы возвестить ученикам то, что они увидели и

услышали: Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус: не бойтесь; пойдите, возвестите

братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня (Мф. 28:9–10). Слово «радуйтесь» является обычным восточным приветствием, однако в контексте первого явления воскресшего Иисуса имеет совершенно особый

смысл. Оно должно привести испуганных женщин в то состояние, которое Иисус обещал ученикам перед Своим арестом, сравнивая предстоящую им скорбь со скорбью женщины при родах: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел

час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас»

(Ин. 16:21–22). Стоя у креста распятого Учителя, женщины испытали эти родовые муки скорби, но теперь Его воскресение открывает им новую, доселе не изведенную радость – ту, которую никто не сможет отнять. С наибольшими подробностями явление воскресшего Христа Марии

Магдалине описано у Иоанна: А Мария стояла у гроба и плакала. И, когда плакала, наклонилась во гроб, и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. И они говорят ей: жена! что ты

плачешь? Говорит им: унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его. Сказавшие, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: жена! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это

садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввунни! – что значит: Учитель! Иисус говорит ей: не прикасайся ко Мне, ибо Я

еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему. Мария Магдалина идет и возвещает ученикам, что видела Господа и что Он это сказал ей

(Ин.20:11–18). Мы помним, что во всех трех синоптических Евангелиях женщины узнают о воскресении Христа от одного или двух ангелов. Рассказ Иоанна отличается от синоптических тем, что при первом посещении гробницы Мария

Магдалина не видит ничего, кроме отваленного от нее камня. Она возвещает об увиденном Петру и другому ученику; те бегут к гробнице, видят погребальные пелены и возвращаются к себе. Только после этого Мария, вновь оказавшаяся у

гроба, видит ангелов и слышит от них не весть о воскресении, а вопрос: «Жена! что ты плачешь?» Ее ответ ангелу почти дословно совпадает с тем, что она говорила Петру: «унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его»

(Ин. 20:2). Диалог Марии с воскресшим Учителем напоминает многие другие диалоги из Евангелия от Иоанна, в которых собеседники выказывают образ мыслей, полностью зацикленный на предметах и явлениях земной жизни. К числу таких

диалогов относятся беседы Иисуса с Никодимом (Ин. 3:1–12) и самарянкой (Ин.4:5–26). Нет никаких оснований видеть в этих диалогах лишь стремление Евангелиста показать, насколько отличался духовный уровень собеседников Иисуса

от Его духовного уровня. Скорее, они отражают ту истину, которая многообразно раскрывается на

страницах каждого из Евангелий: в лице Иисуса земные люди, мужчины и женщины, встречали Того, Чьи слова и действия превосходили их

разумение; то, что происходило с Ним и вокруг Него, не укладывалось в рамки быденного. Воскресение Христа является кульминацией евангельской истории. И хотя первому явлению Воскресшего предшествовало возвешение об этом

ангелов, именно это первое явление становится тем переломным моментом, когда самая страшная скорбь прелагается в самую великую радость. И в этот момент в центре повествования оказывается не Петр, которому было уделено столько

внимания во всех четырех Евангелиях, не кто-либо иной из апостолов, а женщина, ранее не игравшая никакой существенной роли в евангельской истории. Она первой увидела пустой гроб, и она же первой видит Воскресшего из гроба.

«Свидетельство женщин, ввиду их легкомыслия и пристрастия, не должно быть принимаемо во внимание»: эти слова летописец еврейского народа Иосиф Флавий вкладывает в уста Моисея². Они отражают широко распространенное

в иудейской среде мнение о недостоверности свидетельских показаний женщин. Между тем, именно женщины принесли ученикам Иисуса весть о Его воскресении. Тот факт, что во всех четырех Евангелиях свидетельство женщин не только принимается

во внимание, но в каком-то смысле играет ключевую роль, лишний раз свидетельствует о решительной смене традиционной для иудаизма культурной парадигмы в христианстве. Отныне женщина – не менее достоверный свидетель, чем мужчины.

Если же рассматривать поведение женщин и мужчин, как оно отражено в последних главах евангельской истории, в нравственном аспекте, то превосходство женщин оказывается очевидным. Когда Иисус был арестован, все

ученики-мужчины, оставив Его, бежали. Один из учеников оказался предателем, другой трижды прилюдно отрекся от Учителя. При кресте Иисуса мы видим лишь одного из двенадцати учеников, при погребении – ни одного. Женщины же неотступно

следуют за Иисусом, стоят у Его креста, присутствуют при Его погребении и первыми, раньше мужчин, приходят к Его гробу в утро воскресения. Вполне естественно, что именно они первыми узнают о Его воскресении: им Он является,

им адресует призыв к радости, тогда как первое, что услышат от Него одиннадцать учеников-мужчин, будет упрек в неверии (Мр. 16:14). Мария поначалу принимает Иисуса за садовника. Несмотря на то, что Иисус заговорил с Марией, она продолжает не узнавать его. И только

после того, как Он называет ее по имени, та понимает, Кто перед ней. Почему Мария Магдалина не узнает воскресшего Иисуса? Вряд ли можно это объяснить тем, что она плакала, или тем, что было еще темно. Скорее,

причина в том, что изменился Его внешний вид. Этот вывод подтверждается свидетельствами других Евангелистов: у Луки два ученика не узнают Иисуса, когда Он присоединяется к ним по дороге (Лк. 24:13–35), а затем другие ученики

принимают Его за духа, и Ему приходится доказывать, что Он – Тот Самый Иисус, Которого они видели и знали (Лк. 24:36–43). У Иоанна Иисус в доказательство того, что это Он, а не кто-то другой, показывает ученикам Свои руки, ноги и

ребра (Ин. 20:20), а Фоме – раны на Своем теле (Ин. 20:27). Когда Иисус стоит на берегу, ученики не узнают Его (Ин. 21:4). В евангельских рассказах о воскресении перед нами предстает Христос, имеющий руки, ноги, ребра, раны на теле. В то же время узнают Его не

сразу, а если и узнают, то, скорее, по косвенным признакам: голосу, знакомому мужеству, произносимым словам. Мария узнала Его «не по виду, но по голосу»³, и то не сразу, а только когда Он назвал ее по имени. Можно вспомнить слова

Иисуса о добром пастыре, чьи овцы «слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени... а овцы за ним идут, потому что знают голос его» (Ин. 10:3–4). Явление двум ученикам на пути в Эммаус

Обратимся к повествованию о явлении Иисуса двум ученикам на пути в Эммаус. Основным источником здесь служит Евангелие от Луки, однако эпизод кратко упоминается и у Марка: После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение. И те, возвратившись, возвестили прочим; но и им не

поверили (Мр. 16:12–13). Выражение «в ином образе» заслуживает внимания. Оно, по-видимому, указывает на изменение не только внешнего вида Иисуса, но и природы Его тела, которое после воскресения обрело сверхъестественные свойства.

У Луки эпизод описан более подробно: В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее

стадийна шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус; и разговаривали между собою овсех сих событиях. И когда они разговаривали и рассуждали между собою, и Сам

Иисус, приблизившись, пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его. Он же сказал им: о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, иотчего вы печальны? Один из них, именем Клеопа, сказал Ему в ответ: неужели Ты

один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни? И сказалим: о чем? Они сказали Ему: что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его

первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его. А мынадеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всемтем, уже третий день ныне, как это произошло. Но и некоторые женщины из наших

изумили нас: они были рано у гроба и не нашли тела Его и, придя, сказывали, чтоони видели и явление Ангелов, которые говорят, что Он жив. И пошли некоторые изнаших ко гробу и нашли так, как и женщины говорили, но Его не видели. Тогда Он

сказал им: о, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, чтопредсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славуСвою? И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем

Писании.И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Онпоказывал им вид, что хочет идти далее. Но они удерживали Его, говоря: останьсяс нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними. И

когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им.Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них. Иони сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на

дороге и когда изъяснял нам Писание? И, встав в тот же час, возвратились в Иерусалим и нашливместе одиннадцать Апостолов и бывших с ними, которые говорили, что Господьистинно воскрес и явился Симону. И они рассказывали о происшедшем на пути, и

как Он был признан ими в преломлении хлеба(Лк. 24:13–35).Почему Лука уделяет такое внимание данному эпизоду?Возможно, потому, что Лука был одним из двух учеников, о которых в нем идетречь. Косвенным свидетельством в пользу того, что именно Лука был

одним из двух упомянутых учеников, является тот факт, что оба героя повествования были не из числа одиннадцати апостолов (это явствует из окончания истории, в котором они возвращаются в Иерусалим и находят там одиннадцать). Тем

не менее, они были учениками («двое из них» значит «двое из учеников»). Только у Луки упоминаются «других семьдесят учеников» (Лк. 10:1), и церковная традиция причисляет самого Луку к этой группе. Есть достаточные

основания полагать, что двое учеников, о которых идет речь в Лк. 24:13–35, были из числа семидесяти, коль скоро они не входили в круг одиннадцати. Лука в своем Евангелии не претендует на роль очевидца: в

прологе он прямо говорит о том, что опирается на свидетельства «очевидцев и служителей Слова», к которым себя не причисляет (Лк. 1:2). Тем не менее, он вполне мог быть очевидцем части событий, вошедших в его повествование, и

рассматриваемая сцена вполне могла принадлежать к их числу. Подробности, которыми он ее описывает, и место, которое она занимает в завершающей главе его Евангелия, являются весомым аргументом в пользу того, что в данном случае мы

имеем свидетельство из первых уст. Из Евангелия от Иоанна мы узнали, как Мария Магдалина приняла Иисуса за садовника. Теперь видим, как два ученика не узнают Его. Параллелизм двух историй усматривается еще и в том, что Иисус начинает беседу с

вопроса. Там Он спрашивал Марию: «жена! что ты плачешь? кого ищешь?» (Ин. 20:15). Здесь Он спрашивает учеников: «о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны?» Ученики начинают рассказывать Иисусу об Иисусе, и Он имеет

возможность узнать, что они о Нем думают. Они признают Его не за Мессию, а за «пророка, сильного в деле и слове пред Богом и всем народом». Более того, они выражают нескрываемое разочарование в связи с тем, что мессианские чаяния в

отношении Его, как кажется, не сбылись: «а мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля». В то же время, до них уже дошел слух о пустом гробе, который видели женщины. Эта информация их изумляет, но не более

того: они еще весьма далеки от веры в то, что Он мог воскреснуть из мертвых. Ответом на

сбивчивое повествование учеников является упрек Иисуса: «О, бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что

предсказывали пророки». Он напоминает аналогичные упреки ученикам из других евангельских эпизодов: «Неужели и вы еще не понимаете?» (Мф. 15:16); «Что помышляете в себе, маловерные... еще ли не понимаете и не помните?..»

(Мф. 16:8–9); «Неужели и вы так непонятливы? Неужели не понимаете?..» (Мр. 7:18); «Еще ли не понимаете и не понимаете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? Имея уши, не слышите? и не помните?»

(Мр. 8:17–18). За всеми этими упреками просматривается тема непонимания учениками слов и действий Учителя, неверия в Его божественную силу. Неверие и сомнение сквозит и в словах двух путников, направляющихся в Эммаус.

Ученики убеждают Путника войти с ними в дом и разделить трапезу. И тут происходит неожиданное: вместо того, чтобы вести Себя как гость, Он принимает на Себя роль хозяина. Не они преломляют хлеб и угощают Его, а Он

благословляет хлеб и подает ученикам. Слова «взяв хлеб, благословил, преломил и подал им» не могут не напомнить о Тайной вечере, на которой Иисус, согласно Марку, «взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: приимите, ядите; сие есть

Тело Мое. И, взяв чашу, благодарив, подал им: и пили из нее все» (Мр. 14:22–23; Мф. 26:26–27; Лк. 22:19–20). На вечере в Эммаусе чаша отсутствует, но преломлении хлеба говорится в тех же выражениях, которые мы встречаем во всех

синоптических свидетельствах о Тайной вечере. Похожие выражения были использованы Евангелистами также при изложении двух случаев чудесного умножения хлебов (Мф. 15:36; Мр. 6:41; 8:6; Лк. 9:16; Ин. 6:11).

Рассказанный Лукой эпизод – единственный во всем корпусе Четвероевангелия случай, когда Иисус внезапно делается невидимым. Иоанн повествует о неожиданном появлении Иисуса при закрытых дверях (Ин. 20:26), но о

Его столь же неожиданном исчезновении мы читаем только у Луки. Церковная традиция объясняет способность воскресшего Иисуса внезапно появляться и исчезать особыми свойствами, которые Его тело приобрело после воскресения. Иоанн

Златоуст называет тело Христа после воскресения «столь тонким и легким, что вошло сквозь затворенные двери»; это тело было «лишено материальной грубости»⁴. Однако сам Евангелист Лука в рассматриваемом эпизоде делает

акцент не на изменении природы тела Христа, а на субъективном опыте учеников: сначала «глаза их были удержаны, так что они не узнали Его», потом же, когда Он преломил хлеб, «открылись у них глаза, и они узнали Его»

; и вот же самый момент «Он стал невидим для них». При помощи этих выражений, а также последующего вопроса учеников «не горело ли в нас сердце наше?» передан опыт узнавания воскресшего Христа – опыт, который не ограничивается

телесным видением. Этот опыт является внутренним, а не внешним: он не привязан к глазам или иным органам чувственного восприятия; он связан не столько синтеллектом, сколько с сердцем как центром духовной и эмоциональной активности

человека. Речь идет об опыте присутствия Иисуса в жизни людей. Отныне этот опыт не связан напрямую с видением Христа в Его материальном теле. «Блаженны невидевшие и уверовавшие», – скажет Иисус Фоме (Ин. 20:29).

Явление одиннадцати Все четыре Евангелиста повествуют о явлении Иисуса одиннадцати ученикам. У Матфея это явление происходит на горе в Галилее, и рассказом о нем завершается его Евангелие (Мф. 28:16–20). Марк не уточняет, где

и когда Иисус явился одиннадцати, отмечая лишь, что Иисус явился им, когда они возлежали на вечери (Мр. 16:14). Оба эти рассказа мы рассмотрим позже, поскольку в обоих Евангелиях они помещены в самом конце и тематически связаны с

темой послания учеников на проповедь. Здесь же мы обратимся к версиям Луки и Иоанна. У Луки рассказ о явлении Иисуса одиннадцати ученикам стоит на третьем месте после рассказов о посещении женщинами пустого гроба и о путешествии двух учеников в

Эммаус. Происходит оно в тот момент, когда два ученика вернулись в Иерусалим и рассказали апостолам о встрече с Иисусом на пути: Когда они говорили о сем, Сам Иисус стал среди них и сказал им: мир вам. Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа. Но

Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки

Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И, сказав это, показал им

руки и ноги. Когда же они от радости еще не верили и дивились, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И, взяв, ел пред ними. И сказал им: вот то, о чем Я вам говорил, еще быв

с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах. Тогда отверз им ум к уразумению Писаний. И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий

день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима (Лк. 24:36–47). Если предположить, что два ученика вернулись в Иерусалим поздно вечером первого дня недели, то свидетельству Луки не противоречит

свидетельство Иоанна: В тот же первый день недели вечером, когда двери дома, где собирались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам! Сказав это, Он показал им руки и ноги и

ребра Свои. Ученики обрадовались, увидев Господа. Иисус же сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком

оставите, на том останутся. Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу

перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю. После восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир

вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел

Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие (Ин. 20:19–29). Мы видим, что начало истории у обоих Евангелистов практически совпадает: Иисус является неожиданно и приветствует учеников словами «мир вам». В обоих Евангелиях Иисус показывает ученикам части

Своего тела: у Луки – руки и ноги, у Иоанна – руки и ребра. Это свидетельствует о реальности тела воскресшего Иисуса, которое сохраняет признаки материального тела, хотя и приобрело способность проходить сквозь запертые двери (впрочем, и

до воскресения Иисус мог ходить по воде). Однако отличия между двумя рассказами весьма существенны. У Луки речь идет об одном явлении, у Иоанна – о двух. У Луки присутствуют одиннадцать учеников «и бывшие с ними», у Иоанна – одиннадцать без Фомы.

Лука в рассказе о явлении одиннадцати рисует смену настроения и эмоционального состояния учеников. Сначала они, приняв Иисуса за духа, смутились и испугались (мы можем вновь вспомнить рассказ о хождении по

водам, когда ученики испугались, приняв Иисуса за призрак). Затем, когда Он показал им руки и ноги, они «от радости еще не верили и дивились». Наконец, Он отверзает им ум к разумению Писаний. От сомнений и колебаний через

промежуточное состояние радости, смешанной с недоверием и удивлением, ученики переходят к вере в воскресение Христа благодаря дару понимания Писаний, получаемому непосредственно от Него. У Иоанна динамика перехода от неверия к вере выражена на

примере Фомы. Этот ученик ранее дважды упоминался в Евангелии от Иоанна. В рассказе о воскрешении Лазаря Фома говорил ученикам: «Пойдем и мы умрем с ним» (Ин. 11:16)⁵. На Тайной вечере Фома спрашивал Иисуса:

«Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь?» (Ин. 14:5). Теперь же Фома, не присутствовавший при первом явлении Воскресшего, являет решительное недоверие к тому, что слышит от учеников: «если не увижу... не поверю»

. Спустя семь дней Иисус является вторично и обращается напрямую к Фоме, показывая ему руки и ребра и говоря: «не будь неверующим, но верующим». Сомнения и колебания исчезают одновременно, и Фома восклицает:

«Господь мой и Бог мой!» Торжественное исповедание веры Фомой является не только кульминацией рассказа о двух явлениях воскресшего Иисуса ученикам. В каком-то смысле оно смысловой центр всего четвертого Евангелия. Это единственное

Евангелие, в котором слово «Бог» напрямую применяется к Иисусу, причем происходит это в самом

первом стихе: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»(Ин. 1:1). Синоптики называют Иисуса Сыном Божиим и Господом, но

ни один из них не называет Его Богом. У Иоанна же исповедание того, что Иисус – Бог, является исходным пунктом. От него через серию рассказов о деяниях и словах Иисуса, о Его страданиях, смерти и воскресении Иоанн приводит читателя к

исповеданию, в котором сфокусирован весь основной пафос его Евангелия: Иисус – это Бог. Это исповедание вкладывается в уста Фомы, но с ним, по мысли Иоанна, должен солидаризироваться всякий читатель его Евангелия.

Явление в Галилее. Свидетельство Иоанна
Обратимся к явлению воскресшего Иисуса ученикам, которое Иоанн называет третьим: После того опять явился Иисус ученикам Своим при море Тивериадском. Явился же так: были вместе Симон Петр, и Фома, называемый

Блинец, и Нафанаил из Каны Галилейской, и сыновья Зеведеевы, и двое других из учеников Его. Симон Петр говорит им: иду ловить рыбу. Говорят ему: идем и мы с тобою. Пошли и тотчас вошли в лодку, и не поймали в ту ночь ничего. А когда уже

настало утро, Иисус стоял на берегу; но ученики не узнали, что это Иисус. Иисус говорит им: дети! есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет. Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете. Они закинули, и уже не

могли вытащить сети от множества рыбы. Тогда ученик, которого любил Иисус, говорит Петру: это Господь. Симон же Петр, услышав, что это Господь, опоясался одеждою, – ибо он был наг, – и бросился в море. А другие ученики приплыли в

лодке, – ибо недалеко были от земли, локтей около двухсот, – таща сеть с рыбою. Когда же вышли на землю, видят разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб. Иисус говорит им: принесите рыбы, которую вы теперь

поймали. Симон Петр пошел и вытащил на землю сеть, наполненную большими рыбами, которых было сто пятьдесят три; и при таком множестве не прорвалась сеть. Иисус говорит им: придите, пообедайте. Из учеников же никто не смел спросить Его: кто

Ты?, зная, что это Господь. Иисус приходит, берет хлеб и дает им, также и рыбу. Это уже в третий раз явился Иисус ученикам Своим по воскресении Своем из мертвых(Ин. 21:1–14). Вновь мы видим, как ученики не сразу узнают Иисуса, и в

конце повествования слышим глухой намек на сомнения в том, что это Он: они не смеют спросить Его: «кто Ты?» Евангелист употребляет глагол, означающий не просто «спрашивать», и «испытывать», «допытываться», «выяснить». «Ученики

понимали, что это действительно Он, говорит Иоанн, но в то же время им хотелось в этом удостовериться», – говорит современный толкователь⁶. «Видя изменившееся лицо, исполненное необычайного величия, они были очень

изумлены и хотели бы что-нибудь спросить об этом; но страх и сознание, что это был не кто-то другой, а именно Он, удерживали их от вопроса», – говорит древний толкователь⁷. Можно было бы предположить, что ученики поначалу не узнали

Иисуса по той причине, что Он стоял на берегу, а они были в лодке, однако Евангелист специально отмечает, что расстояние до берега было небольшое (200 локтей составляет около 90 м). Другое объяснение подчеркивает человеческую

слабость: Петр и другие ученики были слишком усталыми и разочарованными после бесплодных усилий целой ночи. Однако наиболее очевидное объяснение вытекает из сопоставления этого явления с другими явлениями Воскресшего: изменился Его

внешний вид. То, что Иисус уже ранее являлся им дважды и что они слышали Его голос с берега, не помогло им узнать Его. Каким образом Иоанн узнал Учителя? Вероятно, не столько по голосу или внешнему виду, сколько благодаря тому же внутреннему чувству,

которое охватило двух учеников из Евангелия от Луки, когда они встретили Иисуса на пути в Эммаус. Ел ли Иисус вместе с учениками или только угощал их? Тот факт, что воскресший Иисус ел с учениками, а не просто наблюдал, как они едят,

находит наиболее прямое подтверждение в словах Петра из книги Деяний: «Сего Бог воскресил в третий день, и дал Ему являться не всему народу, но свидетелям, предызбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из

мертвых» (Деян. 10:40–41). Для Петра тот факт, что воскресший Иисус был способен есть и пить с учениками, является доказательством того, что явившийся им не был ангелом или призраком: Он воскрес в человеческом теле. Это тело, как

мы видели, приобрело особые свойства, и даже внешний его облик изменился. Однако

способность есть и пить воскресший Иисус не утратил. Послание на проповедь Являясь ученикам после Своего воскресения, Иисус говорил им

об ожидающей их миссии. Тема послания учеников на проповедь присутствует во всех четырех Евангелиях. У Иоанна она вправлена в повествование о явлении Иисуса одиннадцати ученикам вечером первого дня недели:

Иисус же сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся

(Ин. 20:21–23). Вселенский характер миссии, ожидающей апостолов, в полной мере отражен в наставлениях, которые ученики получают от воскресшего Учителя в Евангелии от Матфея: Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда

повелел им Иисус, и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились. И приблизившись Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их

соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь (Мф. 28:16–20). Несмотря на торжественный характер этого эпизода, Евангелист не считает нужным умалчивать о том, что не все ученики поклонились Воскресшему.

Некоторых все еще терзают сомнения: Он или не Он? воскрес или не воскрес? человек или призрак? Ученики все еще на пути от неверия к вере и все еще ближе к начальной точке пути, чем к конечной. Об этом прямо говорится в Евангелии от

Марка: Наконец, явился самим одиннадцати, возлежавшим на вечери, и упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили. И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет

веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное

выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы (Мр. 16:14–18). Сравнение двух отрывков показывает, что речь идет о двухразных явлениях. У Матфея дело происходит на горе в Галилее, у Марка – в

закрытом помещении, когда ученики возлежат на вечери. Вознесение Чреда явлений воскресшего Иисуса ученикам завершается Его вознесением на небо. Марк говорит об этом кратко, не обозначая место действия: И так Господь, после беседования с ними, вознесся на небо

и воссел одесную Бога. А они пошли и проповедовали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знаменами. Аминь (Мр. 16:19–20). Лука уточняет, что вознесение произошло в Вифании – селении

близ Иерусалима, куда Иисус неоднократно приходил при жизни (Мф. 21:17; 26:6; Мр. 11:1, 11–12; 14:3; Лк. 19:29; Ин. 12:1) и где он воскресил Лазаря (Ин. 11:1–44). Таким образом, если Евангелия от Матфея и Иоанна заканчиваются в

Галилее, а от Марка в необозначенном месте, то действие Евангелия от Луки завершается близ Иерусалима: И вывел их вон из города до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их. И, когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься

на небо. Они поклонились Ему и возвратились в Иерусалим с великою радостью. И пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога. Аминь (Лк. 24:50–53). Свою вторую книгу Лука начинает прологом, в котором говорит

о том, что Иисус «явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божием» (Деян. 1:3). Именно из этого упоминания мы узнаем, что вознесение

произошло на сороковой день после воскресения. Рассказ о вознесении в Деяниях содержит дополнительные подробности по сравнению с рассказом из Евангелия от Луки: И, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из

Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня, ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым. Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли

время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю? Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в

Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли. Сказав сие, Он поднялся в глазах

их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите

и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо. (Деян. 1:4–10). В каком-то смысле именно этот рассказ, распадающийся на четыре самостоятельных тематических сегмента, может служить эпилогом ко всей

истории жизни, смерти и воскресения Иисуса Христа. В первом сегменте Лука возвращается к завершающим словам беседы Иисуса с учениками, в которых Он говорил о том, что пошлет им обетование Отца (Лк. 24:49). Во втором сегменте

вводится новая тема: ученики спрашивают о «временах и сроках»; здесь же Иисус повторяет обетование и говорит о предстоящей им миссии. В третьем сегменте Иисус возносится на небо. Сколько раз воскресший Иисус являлся ученикам?

Как мы видели, в Евангелии от Матфея упоминались два явления воскресшего Иисуса: женщинам, которые шли от гроба, и ученикам на горе в Галилее. У Марка говорится о трех явлениях: Марии Магдалине, двум ученикам на

дороге и одиннадцати, возлежавшим на вечере. Лука описывает явление двум ученикам на пути в Эммаус, кратко упоминает о явлении Симону и затем подробно рассказывает о явлении «одиннадцати и бывшим с ними»

– итого три эпизода. Наконец, Иоанн описывает четыре явления: Марии Магдалине, ученикам без Фомы вечером первого дня недели, ученикам с Фомой на восьмой день и ученикам на море Тивериадском. Следует также обратить внимание на свидетельство апостола

Павла, важность которого определяется тем, что он писал раньше, чем евангельские повествования приобрели окончательную форму и сложились в единый корпус из четырех свидетельств. В отличие от Августина, он не имел возможности

сличить письменные источники и основывается исключительно на устном предании. Павел упоминает пять явлений: Кифе; двенадцати; пятистам братьям; Иакову; всемапостолам (1 Кор. 15:3–7). О явлении Кифе (Симону) упоминает Лука; о явлениях

двенадцати (точнее, одиннадцати) упоминают все четыре Евангелиста; о явлениях пятистам братьям и Иакову мы не знаем из Евангелий ничего; явление «всемапостолам» можно считать за

отдельный эпизод или отождествить с описанным у

Луки явлением «одиннадцати и бывшим с ними». Итоговый список явлений воскресшего Иисуса включает не менее двенадцати эпизодов, однако, судя по упоминаниям в Книге Деяний, их могло быть больше. Во всяком случае, их было достаточно для того, чтобы у апостолов

исчезли всякие сомнения в достоверности воскресения Христа и чтобы они могли говорить о нем как о неопровержимом факте. Альтернативные версии воскресения История воскресения из мертвых Иисуса Христа, Сына Божьего и

Сына Человеческого, лежит в самой сердцевине христианства. Если вынуть из него эту историю, оно перестает быть самим собой. Не случайно противники христианства на протяжении веков главным объектом своих нападок делали именно

эту историю, объявляя ее вымышленной и предлагая различные альтернативные версии того, что могло произойти с Иисусом и Его общиной после смерти. Вот лишь несколько таких версий: 1) В основе легенды о воскресении Иисуса лежит мистификация.

Его тело было украдено из могилы учениками, которые объявили, что Он воскрес. Это, похоже, самая ранняя из известных альтернативных версий: она зафиксирована в Евангелии от Матфея (Мф. 28:13). 2) Все рассказы о воскресении Иисуса основаны на одном-единственном

свидетельстве – Марии Магдалины, которая, первой увидев пустой гроб, сообщила ученикам Иисуса, что Он якобы воскрес, а те поверили ей. Эту версию в III веке выдвигал противник христианства Цельс, с которым полемизировал Ориген⁸.

В XIX веке подобную же версию мы находим у Ренана, по словам которого, в возникновении мифа о воскресении Христа «играла видную роль сильная фантазия Марии Магдалины... Страстное чувство галлюцинирующей женщины дало миру

воскресшего Бога»⁹. 3) После смерти Иисуса Петр и некоторые другие ученики имели видения, которые они интерпретировали как явления Воскресшего. С течением времени «рассказы о явлениях Воскресшего писались, переписывались и еще раз

переписывались». Так появились те истории о явлениях Воскресшего, которые вошли в Евангелия¹⁰. Эту версию озвучивает ряд авторов из числа скептиков и рационалистов. 4) Воскресение Иисуса следует понимать метафорически или как

притчу: Иисус воскрес, но только «в сердцах людей»¹¹. После Его смерти ученики «пережили некий опыт, который породил в них убеждение, что Иисус присутствует в нынешнем времени»¹². Истории о явлениях Воскресшего возникли вследствие

того, что пораженные скорбью ученики «ощутили Его незримое присутствие, преодолели чувство вины, найдя в Его трагической смерти смысл, идеализировали и интернализировали своего Учителя, бережно храня в памяти Его слова и дела»¹³.

Эта версия также озвучивается целым рядом современных авторов. 5) Иисус должен был быть арестован, когда находился в доме вместе со Своими учениками, но вместо Него был арестован другой человек, который затем был распят. А Иисус, впавший в дремоту, был вознесен Аллахом на небеса. Эта версия содержится в Коране¹⁴. 6) Распятый Иисус не умер, а впал в летаргический сон (или глубокий обморок). После того, как Его тело было положено в пещеру, прохладный воздух и запах благовоний помогли Ему очнуться, а благодаря землетрясению от

гробницы отвалился камень. Сбросив погребальные пелены, Иисус переоделся в лежавшую там одежду садовника. Эта версия была выдвинута в XIX веке некоторыми теологами-рационалистами¹⁵. 7) У Иисуса был брат-близнец по имени Христос. После того,

как Иисус был распят, брат-близнец явился Марии Магдалине, а затем другим ученикам Иисуса, заставив их поверить в то, что Иисус воскрес. Эта недавно озвученная версия принадлежит американскому автору Ф. Пулману¹⁶.

К перечисленным версиям можно было бы добавить много других, выдвигаемых в разные эпохи разными авторами. Самые фантастичные и маргинальные можно отбросить без комментариев. В частности, гипотеза Пулмана о

брате-близнеце «настолько натянута и так вольно обращается с фактами, что теряет даже внешнее правдоподобие. Величайшую из когда-либо рассказанных историй он превращает в величайшую нескладницу, какую только можно вообразить...

Принимать такую басню всерьез могут только самые легковверные читатели»¹⁷. Теория о том, что в основе всей христианской проповеди лежит мистификация (ученики украли тело Иисуса, а потом объявили Его воскресшим),

казалась не требующей комментариев уже евангелисту Матфею, включившему ее в свое повествование без какой бы то ни было оценки. Учитывая, что Иисус оставил после себя группу

последователей, состоявшую, как минимум, из ста двадцати

человек (Деян. 1:16), а по другим сведениям – более пятисот (1 Кор. 15:6), невозможно себе представить, чтобы все члены этой общины поверили в столь явный обман и чтобы впоследствии многие члены общины отдали свою жизнь за проповедь

этого обмана. Теория, изложенная в Коране, противоречит ясному и недвусмысленному свидетельству четырех Евангелий о смерти Иисуса на кресте, Его погребении и воскресении. Теория глубокого обморока или летаргического сна, в который

якобы впал Иисус, затем сумевший собственными силами выбраться из гробницы, вызвала критику вскоре после своего появления даже в средетеологов-рационалистов. Д. Штраус писал по этому поводу: «Вышедший из гроба полуживым, ходящий в болезненном виде,

нуждающийся во врачебных пособиях и уходе, и, наконец, изнемогающий от томительных страданий, Иисус Христос никак не мог бы произвести на учеников то впечатление победителя смерти и владыки жизни, которое послужило основанием

всей дальнейшей их деятельности. Такое возвращение к жизни только ослабило бы впечатление, какое Иисус производил на учеников при своей жизни и смерти, исторгло бы у них плачевные вопли, но никак не могло бы их скорбь превратить в

воодушевление, их почитание к Нему довести до обожания»¹⁸. Теорию о том, что в основе всех рассказов о явлениях воскресшего Иисуса ученикам лежит свидетельство одной экзальтированной женщины – Марии Магдалины, – еще в III веке убедительно опроверг Ориген. Он показал,

что рассказы о явлениях Воскресшего слишком разнообразны и многочисленны, чтобы их можно было свести к одному источнику¹⁹. Попутно Ориген опроверг мнение Цельса о том, что, если бы Иисус воскрес, «Он должен был бы явиться Своим

врагам и судье, который Его осудил, вообще всем без исключения», а не только группе учеников²⁰. Если Иисус при жизни отказывался совершить чудо для доказательства Своего всемогущества (Мф. 16:1–4; Мр. 8:11–12) и не сошел с

креста, чтобы убедить неверующих, почему Он должен был после смерти являться Своим противникам, чтобы их в чем-то убедить? О них Он сказал в притче о богачеи Лазаре: «...если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят»

(Лк. 16:31). Теория, согласно которой рассказы о воскресении Иисуса многократно переписывались, не находит никакого подтверждения в текстологической традиции четырех Евангелий. Несмотря на то, что в поиск их

более ранних прототипов были вложены колоссальные человеческие и финансовые ресурсы, этот поиск дал нулевой результат. Самые разнообразные домыслы относительно гипотетических первоисточников евангельских повествований

высказывались учеными на протяжении XIX–XX столетий, но ни один такой первоисточник так и не был найден. Пожалуй, наиболее живучими оказались теории, согласно которым повествования Евангелий о воскресении Христа следует понимать

метафорически – как свидетельства о том, что память об Иисусе бережно хранилась в сердцах Его последователей. В той или иной степени эти теории восприняты многими современными авторами из либерального лагеря, в том числе теми, что

входили в печально известный «семинар по Иисусу», предпринявший грандиозный сизифов труд по демонтажу евангельского текста с целью доказать отсутствие исторического зерна в большинстве евангельских повествований.

Один из этих авторов, Дж. Д. Кроссан, считает, что изначальное «Евангелие креста», лежавшее в основе Евангелия от Марка, не содержало в себе описаний явлений воскресшего Иисуса. Богословие Марка основывалось на диаде Страстей и парусии (второго пришествия), предвкушением

которого было Преображение: места для воскресения в этом богословии якобы не было. Хотя в Евангелиях от Матфея, Луки и Иоанна явления Воскресшего описываются, сами Евангелисты не одобряли эти рассказы²¹. Хромая логика неизбежно

приводит к кривым выводам. Основанная на голословных утверждениях и подкрепленная лишь гипотетическими источниками²² замысловатая и искусственная конструкция, созданная ученым, призвана доказать, что никакого воскресения не

было. Подобной же хромой логике следует другой сторонник метафорического прочтения воскресения – Р. Аслан, представляющий Иисуса зилотом, который боролся за независимость Израиля от римлян, но потерпел поражение в этой борьбе и был распят на кресте. Чтобы восстановить его

репутацию мессии, понадобилась история о воскресении, сформулированная раннехристианской общиной в качестве основного вероучительного постулата: нанем Павел в середине 50-х годов I века построил все здание христианского

богословия. Когда же в середине 90-х годов того же столетия евангелисты создавали рассказы о явлениях воскресшего Иисуса, это делалось для того, чтобы «облечь плотью и костями уже сложившийся символ веры, создать повествования из

уже сложившегося вероучения и в особенности – чтобы опровергнуть обвинения критиков». К тому времени «прошло шесть десятилетий с момента распятия», и евангелисты, наслышанные обо всех возможных возражениях против воскресения,

смогли создать такие рассказы, которые опровергали каждое из них в отдельности²³. Эту теорию с некоторыми модификациями воспроизводит Юлия Латынина²⁴, выдавая свою книгу о жизни Христа за какое-то новое «расследование», основанное

на новых, полученных ею в ходе путешествия в Израиль, данных. Книга Латыниной вся от начала до конца построена на подтасовке одних очевидных фактов и игнорировании других. Если воскресение не было историческим событием, – а именно

это пытаются доказать авторы все новых и новых «революционных биографий» Иисуса, – то откуда взялась та уверенность в воскресении, которой пронизана вся раннехристианская проповедь? Действительно, вера в воскресение Христа была

частью христианского символа веры с самого начала, и именно на этой вере была построена вся церковная жизнь первых христиан. Но пытаться доказать, что эта вера была сфабрикована одним человеком (Павлом) или что она основывалась на

галлюцинациях одной экзальтированной женщины (Марии Магдалины), или что в основе ее лежит обман небольшой группы учеников, выкрывших тело Иисуса из могилы, значит идти против очевидности. Уникальность евангельских повествований заключается в том,

что все они описывают события, имевшие место в истории. Вопреки мнению тех, кто считает, что воскресение Христа было исключительно предметом веры, а не историческим событием, Евангелисты утверждают прямо противоположное: оно было

историческим событием, и именно это событие стало для учеников главным доказательством того, что распятый и умерший на кресте Иисус был Мессией-Христом, Спасителем мира и

воплотившимся Богом. В то же время воскресение всегда оставалось и будет

оставаться предметом веры. Мы не раз обращали внимание на то, что даже в общине учеников поначалу были сомневающиеся и терзаемые неверием. Евангелисты не только этого не скрывают, но каждый из них по-своему это подчеркивает (Мф.

28:17; Мр. 16:14; Лк. 24:21, 37; Ин. 20:25). Тем не менее, явления воскресшего Иисуса были достаточно многочисленными, чтобы сомнения рассеялись и на их место пришла твердая убежденность в факте воскресения – убежденность, которая духовно

оплодотворила первохристианскую общину, дала ей второе дыхание после ухода ее Основателя. Сомневающиеся и неверующие всегда были и всегда будут. Верить или не верить в историчность евангельских свидетельств – дело выбора

каждого человека. Но нельзя не увидеть глубокую внутреннюю недоброкачественность в выводах авторов тех произведений научной и художественной литературы, в которых рассматриваются евангельские сюжеты, но при этом ставится под сомнение или отвергается достоверность свидетельства Евангелистов.

Добровольно покидая твердую почву свидетельств очевидцев, основанных на неопровержимых (по крайней мере, с точки зрения самих очевидцев) исторических фактах, такие авторы становятся на зыбкий грунт домыслов и спекуляций, начинают

выдвигать фантастические гипотезы, вынуждены придумывать несуществующие источники и слепо верить в них. Значение воскресения Христова для христианской Церкви трудно переоценить значение, которое факт воскресения Христа

из мертвых имел для развития христианской Церкви. Любые попытки найти объяснение возникновению и развитию Церкви за пределами этого события входят в конфликт с исторической правдой. Исследователи могут верить или не верить в

воскресение – это их право и, как говорится, личное дело. Но доказывать, что ранние христиане в него не верили, что существовала первоначально некая секта, которая сплотилась вокруг распятого на кресте учителя нравственности и лишь

впоследствии обожествила его и придумала миф о его воскресении, значит «идти против рожна» (Деян. 9:5), отмечая огромный массив свидетельских показаний. Между тем, именно так поступали многие авторы XIX века,

такие как Шлейермахер, Гегель, Штраус, Ренан, Толстой, априорно отвергнувшие все евангельские чудеса и главное из них – воскресение Христа – как противоречащие естественным законам и потому заведомо недостоверные. В Иисусе их привлекало,

прежде всего, нравственное учение, которое каждый из них толковал на свой лад. А в научной библеистике появился миф о некоем утерянном письменном первоисточнике, из которого якобы и родилось христианство: этот первоисточник

включал некоторые изречения Иисуса и истории из Его жизни, но в нем не было ни большинства чудес, ни воскресения. Если мы посмотрим на историю ранней Церкви, как она изложена в Книге Деяний и в посланиях апостола Павла, мы увидим, что в первоначальной

христианской проповеди акцент делался отнюдь не на нравственном учении Иисуса. Апостолы говорили, прежде всего, о Его смерти и воскресении. Самая первая письменная зафиксированная христианская проповедь была произнесена Петром через

пятьдесят дней после воскресения Христа. Проповедь сфокусирована исключительно на смерти и воскресении Христа: Мужа Израильские! выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями,

которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете, Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили; но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому

что ей невозможно было удержать Его (Деян. 2:22–24). В следующей своей проповеди, произнесенной в притворе Соломоновом, Петр вновь говорит о том же: «Но вы от Святого и Праведного отреклись, и просили даровать вам человека убийцу, а Начальника жизни убили.

Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели» (Деян. 3:14–15). И на суде у первосвященников Анны и Каиафы, – тех самых, которые были виновниками суда над Иисусом, – он снова свидетельствует о воскресении Христа (Деян.

4:8–12). Воскресение Христа является центральным пунктом проповеди апостола Павла. В рамках настоящей книги мы не можем даже бегло рассмотреть учение Павла о воскресении. Ограничимся наиболее известным и значимым текстом,

в котором Павел излагает суть христианской проповеди: Напоминаю вам, братия, Евангелие,

которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым испасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если

только не тщетно уверовали. Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати;

потом явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне, как некоему извергу

(1 Кор. 15:1–8). Многочисленные и разнообразные свидетельства о воскресении, помноженные на личный опыт Павла, которому воскресший Иисус явился на пути в Дамаск, превратив его из гонителя Церкви в апостола (Деян. 9:3–9), делают для

него факт воскресения Христа неопровержимым. Однако Павел не останавливается на этом, но идет дальше и делает утверждения, которые могут шокировать своей безапелляционностью: Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из

мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых? Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы и

лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, то есть, мертвые не воскресают; ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес,

то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших... Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших (1 Кор. 15:12–17, 20). Павел не боится заявить о том, что без веры в воскресение христианство не имеет никакого смысла: в этом случае тщетна и проповедь

апостолов, и вера тех, кто на нее откликнулся. Разве недостаточно следовать нравственным принципам, установленным Христом, исполнять Его заповеди? Оказывается, нет. О нравственности вообще ничего не говорится в этом манифесте

христианской веры: вся аргументация вращается вокруг воскресения. Почему?

Павел объясняет: Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый

в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его. А затем конец, когда Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу. Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех

врагов под ноги Свои. Последний же враг истребится – смерть... (1 Кор. 15:22–26). Воскресение Христа представлено здесь как событие космического масштаба. Оно касается не только Его, но и всех людей. Адам представляет собой собирательный образ ветхого человечества, погибающего

вследствие греха. Христос соединяет в Себе обновленное человечество, искупленное от греха Его смертью. Воскресение Христа открывает путь к воскресению из мертвых для всякого человека, и именно в этом – сердцевина

евангельской проповеди, а отнюдь не в той или иной нравственной или социальной программе. Заключение «Нет мертвым воскресения»²⁵. Эти слова древнегреческий драматург Эсхил вложил в уста Аполлона, выступающего в высшем суде Древней

Греции – афинском ареопаге. За ними стоит твердое убеждение в том, что возвращение из загробного мира невозможно. Спустя пятьсот лет после смерти Эсхила в том же ареопаге прозвучала проповедь апостола Павла, завершившаяся словами:

«Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых». Проповедь не вызвала

сочувственного отклика у афинских судей: «Услышав о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время» (Деян. 17:30–32). Прошло восемьсот лет после смерти Эсхила, триста – после

проповеди Павла, и мир стал свидетелем того, как вера в воскресение Христа, преодолевая сопротивление язычества, захватила умы миллионов людей. По всей Римской империи – и на Востоке, и на Западе, и в Риме, и в Афинах – начали

строить храмы в честь Человека, распятого на кресте римскими войнами по приговору иудейского синедриона. Этот Человек, Которого после смерти ученики объявили воскресшим, неожиданно для многих становится центральной фигурой всей

истории человечества, затмевая Собой самых знаменитых философов и мыслителей, а вера в Его

воскресение – краеугольным камнем религии, которая с тех пор и по сей день сохраняет первое место в мире по количеству последователей. Именно от

предполагаемого времени Его рождения все современное человечество ведет летоисчисление, так что каждая дата в нашем календаре, хотим мы этого или не хотим, привязана к Нему. Как могла произойти эта революция в сознании и мировоззрении

миллионов людей? Что заставило их поверить в то, что казалось невозможным поколениям их предков? Что заставляет людей и в наш век научно-технического прогресса верить в это главное чудо человеческой истории и в пасхальную ночь

тысячами собираться в храмах, чтобы услышать, как священник торжественно многократно возглашает «Христос воскрес!»? И почему, когда звучит этот ликующий возглас, на лицах людей появляются слезы радости, и они с не меньшим

ликованием восклицают: «Воистину воскрес!» – будто факт воскресения из мертвых некоего иудея, распятого на кресте две тысячи лет назад, имеет какое-то отношение к их личной жизни, будто в их собственной семье произошло что-то

особое, экстраординарное, заставляющее их испытывать радость, умиление, восторг? Я дам на эти вопросы ответ, основанный на личном опыте. Мне посчастливилось тридцать пять лет служить в священном сане. За эти годы я имел

возможность наблюдать, как христианская вера изменяет и преображает людей. Приходили в храм самые разные люди – мужчины и женщины, погрязшие в грехах и пороках, запутавшиеся, отчаявшиеся и потерявшие волю к жизни; наркоманы и

алкоголики, утратившие человеческий облик. Медленно, но верно, а иногда и довольно быстро, происходило в этих людях изменение к лучшему, исцеление от физических, душевных и духовных недугов. Приходилось видеть, как смертельно

больные выздоравливали, умирающие возвращались к жизни, страдающие тяжелыми формами зависимости освобождались от нее; как женщины, много лет страдавшие бесплодием, рожали детей; как восстанавливались семьи, надежда на воссоединение

которых, казалось, давно была утрачена. И происходило это все не столько благодаря умело организованной приходской работе или пастырской терапии, сколько благодаря особой силе, которая действует в христианской общине и которая имеет сверхъестественный

характер. Эта сила исходит от Самого Христа, распятого и воскресшего, незримоприсутствующего в Своей Церкви. Именно с Ним вступает в личное, живое общение всякий, кто уверует в Него как Бога и Спасителя. Атмосфера чуда, возникшая

вокруг Иисуса при Его жизни, столь ярко изображенная четырьмя Евангелистами, не исчезла после Его смерти. В основанной Им Церкви она сохраняется по сей день. Завершая свою лекцию, я хотел бы напомнить о словах Иисуса,

обращенных к Фоме: «Не будь неверующим, но верующим» (Ин. 20:27). Вера в Иисуса Христа как Бога и Спасителя – ключ к восприятию евангельского текста, но одновременно и ключ к познанию Бога, а значит – к пониманию смысла жизни и

смерти. Распятый, умерший и воскресший Иисус – это ответ Бога на основные вопросы человека: для чего он живет, зачем страдает, почему умирает? Суть христианства заключается в победе над главным врагом человека – смертью.

Эту победу одержал Христос за всех людей. На протяжении веков человек не мог смириться с мыслью о смерти, протестовал против нее всей силой своего разума и чувства. И, тем не менее, ни одному мудрецу не удалось найти лекарство от смерти, избавиться от нее

род человеческий. Христос это сделал, избавив людей от вечной смерти ценой собственной смерти. В свете Его жизни и смерти обретает смысл жизнь и смерть каждого человека. _____¹ Григорий Палама. Омилия 18, в Неделю мироносиц (PG

151, 241). Рус. пер.: Т. 1. С. 190–191.² Иосиф Флавий. Иудейские древности 4, 8, 15. С. 152.³ Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Иоанна 86, 1 (PG 59, 469).⁴ Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Иоанна

87, 1 (PG 59, 474).⁵ В Синодальном переводе эти слова понимаются как относящиеся к Лазарю, поэтому местоимение («ним») написано со строчной буквы. Однако вполне возможно, что слова «умрем вместе с Ним» относятся не к Лазарю, а

к Иисусу, поскольку в Ин. 11:8 ученики намекали на угрозу для жизни Иисуса («Равви! давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда?»).⁶ Райт Н. Т. Воскресение Сына Божьего. С. 735.⁷ Иоанн Златоуст

. Толкование на Евангелие от Иоанна 87,2 (PG 59, 475). Рус. пер.: С. 595.⁸ См.: Ориген. Против

Цельса 2, 70 (GCS 2, 192–193).⁹ Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 140.¹⁰ Casey M. Jesus of Nazareth. P. 497–498.¹¹ Vermes G.

Jesus. P. 442–444. См. также: Winter P. On the Trial of Jesus. P. 208.¹² Борг М. Бунтарь Иисус. С. 341.¹³ Allison D. Resurrecting Jesus. P. 375. ¹⁴ Коран 3, 48 (55). С. 66.¹⁵ См.: Paulus H. Das Leben Jesu. S. 187–193.

См. также: Штраус Д. Ф. Жизнь Иисуса. С. 39–46 (разбор мнений Паулюса и Шлейермахера).¹⁶ Pulman P. The Good Man Jesus and the Scoundrel Christ.¹⁷ О'Коллинс Дж. Вера в воскресение. С. 28, 79.¹⁸ Штраус Д. Ф. Жизнь Иисуса. С. 246.

¹⁹ Ориген. Против Цельса 2, 70 (GCS 2, 192–193).²⁰ Ориген. Против Цельса 2, 67 (GCS 2, 188–189).²¹ Crossan J. D. The Historical Jesus. P. 395–396.²² «Евангелие креста», как и «источник Q», является не более

чем плодом фантазии исследователя.²³ Aslan R. Zealot. P. 175–177. В качестве одного из доказательств своей теории автор ссылается на пресловутый несуществующий источник Q и на Евангелие от Марка без «длинного окончания».

²⁴ См.: Латынина Ю. Иисус. Историческое расследование. М., 2021.²⁵ Эсхил. Эвмениды 650–651.